

ПРАВО

УДК 341

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ О ПРАВАХ ЛИЧНОСТИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв. В РОССИИ

© Елена Николаевна БЕЛАВИНА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов,
Российская Федерация, аспирант, кафедра теории и истории государства и права,
e-mail: e-belavina@mail.ru

Прослеживается зарождение и развитие идеи прав личности в общественно-политической мысли России рубежа XIX–XX вв. Рассматривается формирование объективной картины условий внутригосударственного развития Российской империи и определение ключевых событий, повлиявших на специфику формирования идеи прав личности в России.

Ключевые слова: естественное право; кризис правосознания; права личности.

Основная причина резкой смены правительственного курса в начале 80-х гг. XIX столетия заключалась не только в особенности личности Александра III и его сподвижников. Решающую роль сыграла напряженная внутривластная обстановка, вызванная террористической деятельностью народовольцев и прежде всего, убийством Александра II [1, с. 98]. Совет министров собрался только 8 марта. Несмотря на то, что доклад М.Т. Лорис-Меликова был одобрен покойным государем, новый император Александр III заявил, что «вопрос о смертной казни не следует считать предрешенным» [2]. В то же время, высказывались мнения «за» и «против» крайней меры наказания членов «Народной воли». Чаша весов колебалась, пока не взял слово К.П. Победоносцев.

Обер-прокурор доказывал, что только «чистое» самодержавие, такое, каким оно сложилось при Петре I и Николае I, может действительно противостоять назревающей революции. Неумелые реформаторы своими уступками и полууступками, реформами и полуреформами способны только расшатать здание самодержавного государства. Когда Победоносцев умолк, Александр III облегченно вздохнул и сказал, что над проектом еще надо подумать. Больше к проекту не возвращались.

Гибель императора произвела на страну ошеломляющее впечатление. Самодержец стал не только царем-освободителем, но и царем-мучеником. Воспоминания о царевубийстве предопределили отношение к революционным и либеральным силам не только со стороны власть имущих, но и большей части просвещенного общества, настроенного на необходимость «наведения порядка».

29 апреля Александр III обнародовал манифест «О незыблемости самодержавия», свидетельствующий о стремлении отказаться от реформаторского курса. «Конституция» Лорис-Меликова была отклонена, сам он ушел в отставку. До суда над первоапрельцами, между 8 и 15 марта 1881 г. Л.Н. Толстой, являвшийся как писателем, так и значительным общественным деятелем, обозначил мнение либерального дворянства в своем послании императору. Необходимо учитывать особую роль дворянства в Российской империи, обусловленную историческими особенностями формирования общественных оппозиционных самодержавию движений. До казни Толстой написал письмо Александру III: «Революционеры могли – хотя несправедливо осуждать за погибель десятков своих, – внушал писатель царю. – Но вы чисты перед всей Россией и перед ними. На руках ваших нет крови» [3, с. 391]. Толстой убеждал царя в бесплодности репрессий против

революционеров: «убивая, уничтожая их, нельзя бороться с ними. Не важно их число, а важны их мысли. Для того чтобы бороться с ними, надо бороться духовно; их идеал есть общий достаток, равенство, свобода. Чтобы бороться с ними, надо поставить против них идеал такой, который был бы выше их идеала, включал бы в себя их идеал» [4, с. 392]. «Когда казнь совершилась, – вспоминал Толстой о расправе с первомаковцами, – я только получил еще большее отвращение к властям и к Александру III» [5, с. 114]. С тех пор он больше уже не вступался перед царем за осужденных революционеров, сознавая, что это бесполезно, но продолжал живо интересоваться политическими процессами и сострадал их жертвам. «Что о приговоренных? – тревожился он в письме к жене от 4 марта 1882 г. за судьбу народовольцев по делу «двадцати». – Не выходят у меня из головы и сердца. И мучает, и негодование поднимается, самое мучительное чувство» [6, с. 326]. Когда его приятель Д.Ф. Самарин «с улыбкой» сказал ему о народовольцах: «Надо их вешать», Толстой хотел «вытолкать в шею» Самарина, рассорился с ним и потерял уважение к нему [6, с. 198].

Призыв о милости прозвучал и в публичной лекции В.С. Соловьева – профессора Петербургского университета и Высших женских курсов: «Сегодня судятся и, верно, будут осуждены на смерть убийцы 1 марта, – обратился он к слушателям. – Царь может простить их. И если он действительно вождь народа русского; если он, как и народ, не признает двух правд, если он признает правду Божью за правду, а правда Божья говорит: «Не убий», то он должен простить их» [4].

Летом того же года 8 июня на заседании Общества любителей российской словесности, посвященном открытию памятника Александру Сергеевичу Пушкина, Федором Михайловичем Достоевским была произнесена речь, определившая направление развития отечественной общественно-правовой мысли на ближайшую четверть века. Творческий поиск поэта был спроецирован на душевные рвения всего русского народа, душа Пушкина предстала перед общественностью совестью всей России: «А разве может человек основать свое счастье на несчастье другого? Счастье не в одних только наслаждениях любви, а в высшей гармонии духа. Чем

успокоить дух, если позади стоит нечестный, безжалостный, бесчеловечный поступок?» [7]. Здесь же автор находит ответ на мучающий вопрос: «Смирись, гордый человек, и, прежде всего, смири свою гордость. Смирись, праздный человек, и, прежде всего, потрудись на родной ниве» [7], – таким представляется Достоевскому решение народной правды.

Так, Федор Михайлович становится глашатаям русского гуманизма в пореформенное время, он открывает природу русского народа и его миссию в мире: «И впоследствии, я верю в это... будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и воссоединяющей...» [7].

Гуманистическая идея понимания общечеловеческого бытия получает развитие и в концепции общественного устройства Толстого в 1880-е гг. С окрепшим убеждением Толстой уделяет особое внимание обоснованию категоричного и всеобщего отказа от насилия в качестве главного условия максимально полной реализации закона любви. Толстой полагал: не может быть того, чтобы в обществе людей, взаимосвязанных между собой, было бы хорошо одним, а другим – плохо; особенно, если плохо большинству. Главное – улучшить положение трудящегося населения, только тогда общественное состояние станет стабильным и спокойным [8, с. 198]. Государственное же насилие в значительной мере держится на поддержке со стороны тех, против кого оно применяется. Поэтому простое неучастие в насилии, достигаемое через непротивление, уже есть его ослабление.

Частные преступления писатель объясняет нравственным климатом общества, являющегося следствием политики государства, ярким примером чего служит казнь народовольцев [8, с. 268]. Можно выделить главные аргументы Льва Николаевича в защиту теории ненасилия:

1) неэффективность насилия, т. е. категорическое отрицание его как средства борьбы со злом: «как огонь не тушит огня, так зло не может потушить зла», поэтому остается

одно – «делание добра за злом всем», без всякого исключения;

2) в качестве второго аргумента можно привести абсолютную нецелесообразность применения силовых методов с точки зрения возможности наличия непрогнозируемых последствий;

3) непредсказуемость последствий. «Сила, – делает вывод Толстой, – только удаляет цель... Она не только жестока, она бесполезна...» [8].

В связи с этими обстоятельствами новую актуальность приобретает публичное выступление В.С. Соловьева, посвященное критике Просвещения. Свою речь он закончил осуждением революционных действий, а затем воскликнул: «царь должен простить преступников». Этот призыв Соловьева к необходимости отказаться от смертной казни привел его к вынужденной отставке от преподавания в университете; ему было предложено воздержаться от публичных выступлений. Соловьев навсегда отошел от университета, целиком ушел в писание книг и статей, а публично выступил лишь один раз за год до смерти. Отныне Соловьев уходит в церковно-общественную работу, – и это справедливо считают поворотным пунктом в его жизни [9, с. 239].

Новый правительственный курс видимым образом отличался от реформаторской деятельности Александра II и его ближайшего окружения – либерально настроенных министров. Предыдущий, реформаторский, период прошел под знаком модернизации общественного строя России.

Первые мероприятия правительства Александра III подтвердили решимость государственной власти твердо проводить провозглашенный «охранительный» курс: 14 августа 1881 г. было принято «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия». Теперь в любой губернии разрешалось вводить чрезвычайное положение «для водворения спокойствия и искоренения крамолы». Любого ее жителя могли подвергнуть аресту, сослать без суда на пять лет, предать военному суду. Но т. к. шкалы чрезвычайных ситуаций не существовало, то в губерниях начались беспорядки [10, с. 345].

Увеличиваются штаты отдельного корпуса жандармов, создаются новые охранные

отделения, а в 1882 г. – секретная полиция. Губернаторы получили право закрывать органы печати, торговые и промышленные предприятия, учебные заведения; приостанавливать деятельность земств и городских дум.

Изданное как «временное» сроком на три года, это «Положение» постоянно возобновлялось и действовало вплоть до 1917 г. Для получения более подробного представления о внутривнутригосударственной обстановке рассмотрим контрреформы, проведенные в образовании и печати.

Поскольку студенчество считалось главным источником вольнодумства, рассадником республиканских идей и всякого рода смуты, российские университеты стали одной из первых жертв охранительного курса.

Новый университетский устав 1884 г. упразднял автономию высших учебных заведений. В соответствии с принятым уставом также был ликвидирован университетский суд, запрещены любые студенческие объединения. Преподаватели, избранные учеными советами, обязательно утверждались в должности министром просвещения [4, с. 59]. В циркуляре «о кухаркиных детях» рекомендовалось ограничить поступление в гимназии и прогимназии «детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких торговых лавочников и тому подобных людей, детей коих, за исключением разве одаренных необыкновенными способностями, вовсе не следует выводить из среды, к коей они принадлежат». В средние и высшие учебные заведения сокращался прием лиц еврейской национальности. Каких-либо реальных последствий циркуляр, впрочем, так и не возымел, оставшись в истории российского образования примером исключительной ограниченности государственных чиновников [9, с. 265].

В соответствии с новым законодательством в 1884 г. прекратил существование ненавистный правительству журнал «Отечественные записки», редактором которого был М.Е. Салтыков-Щедрин. Вместе с тем процветала газета М.Н. Каткова «Московские ведомости» [11, с. 221]. Именно на 1880-е гг. приходится заключительный период деятельности этого известного русского публициста, в свое время слывшего либералом и много сделавшего для расширения круга дозволенных к обсуждению в печати вопро-

сов. Но с середины 1860-х гг., а особенно после установления нового правительственного курса при Александре III, Катков немало способствовал усилению охранительного духа и нетерпимости в стане власть имущих [11, с. 223]. Исходя из вышеуказанных фактов, мы замечаем формирование обновленной концепции контрреформ уже к середине 1880-х гг., основой которой следует считать некоторые традиционные догмы:

- божественное происхождение самодержавия и божественный промысел как основа его политики, противопоставляющиеся планам политических реформ;
- полная централизация власти;
- осуждение земского и городского самоуправления, как не соответствующих условиям русской жизни;
- шовинизм; интересы дворянства рассматривались в традиционном понимании (в качестве типичной фигуры представлялся помещик-крепостник).

Приверженцы охранительного курса полагали, что Россия еще не готова к тем преобразованиям, которые проводил в жизнь Александр II. Поэтому 1880-е – начало 1890-х гг. запомнились современникам как пора выжидания, затишья, «болезненного спокойствия». «Болезненного» потому, что Россия требовала продолжения реформ. Земская «контрреформа» не остановила земского движения, но настроила значительную часть земцев против самодержавия. Первоначально введение земств аккумулировало на местах деятельность гласных. Часто народными представителями являлись общественные деятели, видные либералы и писатели. Лев Толстой также входил в их число: развернув широкую общественную работу, он в своих произведениях освещал проблемы крестьянства. Основу его взглядов составляли представление о самоценности свободной человеческой личности и закономерности исторического развития. Его народничество склонялось к мнениям, а не к интересам народа. Л.Н. Толстой выставляет вперед благо реальной личности и относится отрицательно к благу абстрактного человека [12, с. 309]. В своей общественной программе Толстого можно поставить между почвенниками и критическими народниками, синтезировать эти направления он не пытался [12, с. 311].

«Русское самодержавие, – писал М.Н. Катков, – не может и не должно терпеть никакой неподчиненной ему или не от него исходящей власти в стране, никакого государства в государстве... Самое главное – устроить на твердых началах и поставить в правильное отношение к центральному правительству земство и местное управление» [1, с. 96].

Деятельность земского движения была направлена на подачу адресов на имя Его Императорского Величества и различных ходатайств перед правительством, проведение нелегальных собраний и съездов. Большинство земских деятелей попало в ряды кадетской и октябристской партий. Способствовало развитию движения и критическое рассмотрение экономической политики страны – подобные темы на заседаниях земских собраний, в докладах земских управ постепенно выдвигались на первый план. К функциям местного самоуправления следует отнести оказание юридической помощи населению, заведование школьным делом в учебном отношении, устройство бирж труда, меры по охране труда, заведование милицией. Уездный и губернский комиссары осуществляли надзор за деятельностью губернских и уездных земств, а также волостного земства [1, с. 96]. Увеличенный избирательный ценз при проведении городской реформы стал еще одним стимулом для деловых людей, чтобы задуматься о повышении уровня своих доходов [12, с. 314]. Это, в свою очередь, способствовало развитию городской экономики, усилению городских предпринимателей, требующих от самодержавия предоставления им все новых и новых прав.

«Контрреформы» в сфере образования также дали результат, прямо противоположный ожидаемому: в университетах усилился дух свободомыслия. Не имели успеха и мероприятия правительства в области печати: количество изданий в России год от года увеличивалось. Росло и число желающих вставить где-нибудь свою статейку – за всем не уследишь, как бы не мечтали об этом сторонники российской державности.

На рубеже XIX–XX вв. начался качественно новый этап эволюции русского либерализма. В либерализме возникает и постепенно начинает набирать силу новое течение. Интеллигенция наиболее остро осознавала

возраставшее несоответствие между объективными потребностями развития страны и царским самодержавием. «Новый» либерализм начала века (до Октября 1917 г.), т. е. социальный либерализм, провозгласил необходимость обеспечения каждому гражданину «права на достойное человеческое существование». Он дал толчок новому осмыслению проблем правового государства и «правового социализма» в обстановке идейной борьбы как с представителями консервативных, так и леворадикальных сил [4, с. 137].

Развитие Российской империи начала XX в. в направлении правового конституционного государства обозначило приоритет государственного (конституционного) права среди юридических дисциплин и стимулировало интенсивное развитие государственно-правовой мысли. Вопрос о социальной справедливости, будучи основой правовой концепции самодержавия, требовал новой юридической интерпретации. Российская юридическая наука достигла в дооктябрьский период заметных успехов в изучении прав и свобод человека. Эта проблематика являлась ключевой для доктрины возрожденного естественного права, рассматриваясь в рамках позитивистских правовых учений [9]. «Право вместе с государством стремится приобрести суверенное значение в обществе и возобладать над противоборством общественных стремлений», – отметил П.И. Новгородцев в работе «Право и нравственность» [13]. Правоведы разработали каталог прав и свобод человека, составили их научные классификации, обосновали их юридическое содержание и гарантии осуществления.

Русская религиозно-философская мысль начала XX в. не отличалась особым вниманием к проблемам права и правового устройства жизни. Искание абсолютного добра, абсолютного синтеза «правды – истины» и «правды – справедливости», стремление к религиозному преображению действительности затмевали собой поиск практических путей осуществления абсолютных идеалов. Порой было трудно провести грань между идеалистическими сторонниками свободы, личности и материалистическими защитниками классового интереса: пренебрежение к праву и даже его отрицание как внешнего насилия и принуждения стало общим убеж-

дением многих представителей мыслящих слоев общества.

Необходимо отметить, что благодаря обстоятельствам внутривластного положения русская общественно-политическая мысль накопила мощный потенциал развития. Закрепление прав личности, в свою очередь, стало одним из ключевых направлений в совершенствовании либерального конституционализма. На рубеже XX в. впервые появляются специальные исследования конкретной стороны общественного идеала, что говорит об актуальности получения определенных знаний и прогнозов общежития. Сложившаяся внутривластная обстановка способствовала поиску решений накопившихся задач.

Само естественное право понималось как особая часть моральной философии, задающая масштаб нормативной оценке правотворчества. Преобладающую в его время правовую концепцию П.И. Новгородцев именовал «философией легального деспотизма». Согласно ей, основой права считалась государственная власть, утверждаемая на праве силы. П.И. Новгородцев показывал, что включение идеи естественного права в государственную науку потребует неслыханных преобразований.

Кризис правосознания обнажил духовные основы той веры, что питала политическую мысль XIX в.: веры в абсолютную реализацию правового государства. «Общее значение происходящего кризиса я выразил в форме крушения идеи земного рая», – писал П.И. Новгородцев. Человечество не только возвращалось к пониманию рая «неземного», но и освобождалось от утопической веры в возможность идеального сочетания свободы и равенства в рамках государства.

Резюмируя вышесказанное, уместно привести высказывание А.М. Пазухина: «Современное состояние России признается смутным и неопределенным. Жизнь народа за последнее время была обильна явлениями, поражающими нас внутренними противоречиями. Быстрое распространение анархических учений, падение всякого авторитета власти, развитие в обществе корыстных инстинктов, упадок религии, нравственности и семейного начала – все эти факты, являясь признаками социального разложения, застав-

ляют здоровые элементы задуматься над будущем всего общества» [14, с. 26].

Внутренняя политика самодержавия несколько затормозила общественно-экономический и политический прогресс государства. Тем не менее, помещичье-дворянское сословие уже оказалось не в состоянии полностью восстановить в стране прежние крепостнические порядки. В свою очередь, земские учреждения стали важным звеном государственной системы России в XIX – начале XX в. и внесли серьезный вклад в развитие либерально-реформаторского движения. Внутриполитическая ситуация, сложившаяся к рубежу XIX–XX вв. в Российской империи, способствовала развитию прогрессивной общественно-политической мысли. Первоначально идея гуманизации общественных отношений получила яркое выражение в художественной и общественной деятельности Ф.М. Достоевского, а дальнейшее раскрытие претерпела в трудах В.С. Соловьева и нравственной концепции Л.Н. Толстого.

1. *Гильченко Л.В.* Из истории становления местного самоуправления в России // Наука в России. 1996. № 5.
2. *Юртаева Е.А.* Система юридического образования в Российской Империи. URL: <http://cmza.ru/stati/sistema-yuridicheskogoobrazovaniya-v-rossiyskoj-imperii.html>. Загл. с экрана.
3. *Толстой Л.Н.* «Тайный» дневник 1898 года // Собрание сочинений: в 22 т. М., 1978–1985. Т. 22. С. 284–286.

4. *Сиземская И., Новиков Л.* Новый либерализм в России // Общественные науки и современность. 1993. № 5.
5. *Толстой Л.Н.* Ответ на определение синода от 20–22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма // Собрание сочинений: в 22 т. М., 1978–1985. Т. 17. С. 199–207.
6. *Толстой Л.Н.* Черновик письма императору // Полное собрание сочинений: в 90 т. 1932. Т. 7.
7. *Толстой и о Толстом: материалы и исследования.* М., 2009. Вып. 3.
8. *Толстой Л.* Исповедь. В чем моя вера? Л., 1991.
9. *Лосев А.Ф.* Владимир Соловьев и его время. М., 1990.
10. *Чичерин Б.Н.* Мера и границы // Несколько современных вопросов. М., 2002.
11. *Frank S.* Popular justice, community and culture among the Russian peasantry 1870–1900 // *The world of the Russian peasant: post-emancipation culture and society.* Boston, 1990. Цит. по: Оболенская С.В. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 233–239.
12. *Земцов Л.И.* Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.). Воронеж, 2007.
13. *Новгородцев П.И.* Право и нравственность // Правоведение. 1995. № 6. С. 103–113.
14. *Пазухин А.Д.* Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886.

Поступила в редакцию 19.10.2012 г.

UDC 341

DISCUSSION QUESTIONS OF PERSON'S RIGHTS AT THE EDGE OF 19–20 CENTURIES IN RUSSIA

Elena Nikolayevna BELAVINA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Theory and History of State and Law Department, e-mail: e-belavina@mail.ru

The origin and development ideas of individual rights in social and political thought in Russia at the edge of 19–20th centuries are considered. The formation of objective picture of the conditions of internal development of the Russian Empire is considered and the key events that influenced the formation of the specific ideas of individual rights in Russia is identified.

Key words: natural law; crisis of justice's sense; individual rights.